

Владимир Голубев

ЧЁРНЫЙ БАРИН

Сказки-страшилки

Москва

Интернациональный Союз писателей

2025

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

Г60

Г60 **Голубев, Владимир**

Чёрный барин / Владимир Голубев. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2025. — 304 с.

ISBN 978-5-6052904-9-0

На берегу Оки есть старинное кладбище. Окрестные жители в тёмное время обходят его стороной. Говорят, что там, среди древних склепов, бродит Чёрный барин. Он караулит случайных прохожих и пьёт их кровь.

Однажды девушка забрела в глухой лес и наткнулась на заброшенную усадьбу, которую охранял Серый волк. А в это время в городе исчезли двое детей. Что за секреты вызнала Купава у волка? Куда делись маленькие дети?

Как спастись из лап водяного? Как избавиться от мёртвого чернокнижника? Как вернуть похищенного лешим младенца? И ещё много-много страшных сказок.

Но если боишься, то лучше НЕ ЧИТАЙ!

12+

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6052904-9-0

© Владимир Голубев, 2025

© Михаил Соловьёв, 2025

© Интернациональный Союз писателей, 2025

ПРЕДИСЛОВИЕ

В незапамятные времена, когда земли будущей России спали подо льдами непробудным сном, по скрипучему насту с юга на север как-то брёл седой колдун. Неспешно обходя свой далёкий удел и томясь неясными предчувствиями, он чертил циркулем по снегу неровную борозду. Передохнув среди холмов, чародей поворотил на восток, подставив спину заходящему дневному светилу. Неподальёку бежали волки, своим дыханием согревая путника. Изредка он останавливался, отряхивал сандалии от набившегося снега и неспешно цедил терпкий мёд из загодя припасённой чаши. Строптивые капли время от времени слетали на землю, прожигая наст. Радужные пятна парнасского нектара навек уходили в глубь первобытной суши, чтобы после многих тысячелетий небытия просочиться с родниковой водой в мир потворных небесам людей и навсегда затянуть их с головой в водоворот жизненных страстей и песен. Так когда-то унесло и навек закрутило внебрачного Васеньку из-под Белёва, и профессорскую дочку Марину, прятавшуюся под столом от летнего грома на даче в Тарусе, да белокурого Серёжку, крестьянского сына, и нет им числа... Но приключится всё это на окских берегах ещё не скоро.

А колдун всё шёл и шёл стезёй, ведомой только ему. На своде небес неутомонное светило сменяли частые звёзды, а ущербная луна, подгоняемая тучами, мерцала, отмеряя текущие времена. Под ногами нездешнего странника слабел ледяной панцирь, оглашая безъязыкие равнины треском. Хлад, огрызаясь метелями, уходил лишь на время.

И вот, когда солнце вослед за лебедями наконец-то рассеяло лучами первозданную хмарь, а ледник, нещадно проливая слёзы, попятился на север, в тех сокровенных местах из явленных родников и болот хлынули воды, и подлунному миру в гомоне птичьих стай предстала молодая река. Повсюду на её берегах и в долинах взмыли в небо леса дремучие, зацвели травы медвяные. А с полуденной стороны явились пред ясным оком реки ковыльные степи.

Со всех окрестных стран потянулись на благодатную целину вереницы перелётных птиц — свивать гнёзда, а следом торопились дикие звери — выискивать тихие убежища. Залётный шмель-трудяга нашёл пылающий клевер и золотистый донник. Позже всех приспели в дику глухомань и люди — охотники и рыбаки, а затем пастухи. Последними в захолустье явились земледельцы и принялись распахивать новину, да повсюду ставить деревни, городить города. Племена сменяли друг друга, как день и ночь, как свет и тьма, как не стойт, замерев на месте, голубоглазая Ока. Всякие языки раздавались над водами тихой реки, покуда ненасытное время, будто волки златокудрого Аполлона, спешило куда-то с востока на запад, крыло к крылу со стаями журавлей.

С тех самых пор не пресекаются поколения сказочников на тех землях, что ведают нам не только забавные байки, но и ужасные истории, от которых мурашки бегут по спине. Ведь так устроен мир, что вслед за светом неотступно следует тень, а за теплом спешит мороз. Но добро всегда одолевает зло, в какие хитроумные одежды оно бы ни рядилось, надо только верить в него и делать всё как надо...

Потому во веки веков не угаснут на окских берегах, доколе дивные родники поят нас ключевой водицей с привкусом безвестного нектара, те самые добрые и страшные сказки да песни, что учат нас всю жизнь...

ЧЁРНЫЙ БАРИН

(сказочная повесть)

Вместо введения

Великовозрастные люди не один век без устали твердят нам, что времена волшебства давно миновали, и в наши дни, прогуливаясь по улице, вряд ли встретишь одноглазую колдунью, и когда ненастье бушует за окном или посреди ночи, маловероятно, что какой-нибудь безвестный волшебник постучит посохом в твою дверь. Ну а коли пора чародейства безвозвратно

прошла, значит, и не надобны нам распрекрасные витязи и храбрые герои, готовые немедленно по первому зову пуститься в далёкий и опасный путь...

Но выдумок и небылиц оттого стало не меньше, а даже поболее. Выходит, потребны они всякому человеку, как воздух или вода. Как и эта, давным-давно позабытая всеми история про юную сироту по имени Купава и упыря, прозванного Чёрным барином, случившаяся на окских берегах.

Сия повесть стала мне известна совсем случайно и, признаюсь как на духу, просто-напросто невзначай подслушана на одной речной пристани в ожидании рейсового теплохода до Тарусы. В те времена шумные кораблики, обходя мели, ещё спешили от Калуги до Серпухова и Каширы, а то и дальше, распуская дым над водой. Так вот, незнакомая седовласая старушка рассказывала её, верно, своей внучке, забавной веснушчатой девчущке лет десяти-двенадцати. Видимо, они спешили после пляжа поскорее добраться до дома. Так что за подлинность или, наоборот, за чей-то глупый вымысел отвечать не берусь. Как говорится, за что купил — за то и продаю. Не взыщите, господа.

* * *

Как сказывают старожилы, ещё помнящие байки да легенды прадедов, всё, о чём пойдёт наш рассказ, случилось лет двести назад в одном небольшом городке на Оке. Но автор, взявший на себя смелость перенести на бумагу давнюю небылицу, не столько из скромности, сколько из желания не навредить и не обидеть другие, не менее достойные и живописные, окские города, не станет нарочно указывать верное место действия

сказа. Пускай каждый внимательный читатель решает сам, в каких местах всё могло приключиться: в Белёве или в Алексине, в Тарусе или Калуге, а может статься, в Серпухове или Муроме, — да и пусть заодно любопытный книголюб высматривает на старых картах и планах, где же проходит та самая кремнистая путь-дорожка. Может статься, и неподалёку, прямо за углом соседнего дома...

И последнее пояснение: совсем не исключено, что с течением лет несколько схожих легенд из разных уголков России выдумщики-рассказчики просто умело связали в одну небылицу, так сказать, для удобства повествования, а на самом делестряслось всё с несколькими героями и совсем в разное время.

Глава 1. Городок над Окой

Несладко быть девчонкой-сиротой, да ещё и жить у старой тётки на тихой улочке среди яблочных и вишнёвых садов, в маленьком уездном городишке, что кособоко раскинулся на холмах, поросших берёзами и липами. В самом центре города, над тихой рекой, по которой еле-еле ползут барки с зерном, выситя яркий красно-белый собор. На окружающей его площади пару раз в неделю проходит торг, и только осенью случается шумная ярмарка со скрипучими качелями и потешными каруселями. Вот, пожалуй, единственный раз, не считая Масленицы и Рождества, когда можно от души повеселиться, и, пожалуй, всё. Прочее время — тягостное безмолвие, только куры да гуси бродят по улочкам, так и хочется порой от скуки цыкнуть в сердцах на свою жизнь: «Спаси нас, Господи Иисусе!».

Это вам не столичный Санкт-Петербург или благочинная матушка Москва, где неизменно стучат каблуки по паркету на балах, вечерами не пройти подле театров, по бульварам гуляет нарядная публика и ест мороженое, а по улицам на лихих конях скачут гусары в разноцветных доломанах... Ох, даже не пыльная, дремлющая после чаепития Калуга или не шумная из-за попоек оружейников Тула.

* * *

В старинном доме тёти порой было сумрачно и очень холодно, особенно в лютые морозы: хозяйка экономила дрова, и оттого спать приходилось на кухне, подле плиты. Половицы под ногами нещадно скрипели, и, что бы ни делали жители, все это слышали. В тёмные зимние вечера, чтобы развеселить племянницу, бывало, тётушка поправит чепчик и примется рассказывать любимые сказки, пусть и все до единой знакомые девочке: то про Снегурочку, то про Золушку, а ещё про Иван-царевича и Серого волка... А вот по весне, после капели и ледохода на Оке, возле крыльца расцвела давно одичалая сирень, а осенью в палисаднике рдела бузина, которую хозяйка употребляла для борьбы с мышами.

Лишь летом всё менялось, начиналась подлинная жизнь, с щебетом воробьёв под крышей и трелями соловья в овражке. В полдень с грядок тянуло запахом лука и чеснока, а старый дом пах древесной трухой и мёдом. Тётушка, еле сводя концы с концами, сдавала чулан торговцам восточными сладостями с рынка; а может сладковатый дух разносился и оттого, что кругом, в сенях и на чердаке, серыми яблоками висели осиные гнёзда

с шумными и кусачими хозяевами, а ещё кругом щедро были натканы пучки сухих трав: зверобоя да мать-и-мачехи, валерианы и горицвета.

К скромной обители двух дам, совсем молодой и пожилой, прилегали огород с ровными грядками, парниками и тенистый сад, выходивший к крутому склону, а внизу, в зарослях ивы и черёмухи, шумела по каменистому дну речка, впадающая на окраине города в Оку. Часто на закате за рекой протяжно пел пасущий рожок, собирающий разбредшееся в подлеске стадо. По вечерам от воды поднимался туман и запахи от бурьяна и цветов становились особенно чудесны. А дальше, за садом и рекой, раскинулся небольшой луг, следом же начинался тёмный лес, кое-где сведённый крестьянами под поля, но всё равно полный тайн и зубастых зверей, поджидающих странника под каждым кустом.

Родители вкупе с жизнью пожаловали своей дочке необычное имя, не как у всех, — Купава, по-простому — «кувшинка». Точнее сказать, так решил отец. Он долго хворал, когда дочь появилась на свет, почти не выходил на улицу и долго грезил посмотреть хоть одним глазком на любимые с детства водяные лилии, вот и дочку назвал как русалку. Она и выросла словно речная дева: с зелёными глазами и тонкой белой кожей. Но, как твердила тётя, Мария Петровна, мол, с именами во всём виноваты нынешние сочинители со стихотворцами, напридумывали диковинных Светлан, Вадимов и Русланов, Светозаров, да вдобавок припомнили давно позабытых Людмил и иже с ними. А вот, мол, раньше-то — другое

дело, вокруг-то жили-поживали в основном одни Марии, Екатерины да Анны, ну и немного Елизавет. Теперь вот живи и делай с таким именем что хочешь: хочешь — смейся, а хочешь — вытирай слёзы. Но девочка Купава знала: возбраняется злиться на родных, даже если тебе что-то видится совсем по-другому. Да тем паче милые папа и мама один за одним давно сошли в могилу, не оставив в памяти дочери ни малейшего воспоминания, лишь только образ пары холмиков в берёзовой роще на окраине городка.

Старшая сестра матери Купавы, сама бездетная вдова, ставила на ноги племянницу как могла и умела. Сиротской пенсии не хватало, богатств в семействе отродясь не водилось, ведь все мужчины в их роду непременно служили, вот на жалованье едва-едва и сводили концы с концами. А ныне весь мир опекунши сузился до размеров дома, улицы да рынка. Она, не раздумывая, засучив рукава, бралась за любую работу, лишь бы каждый день на обед на столе лежал хлеб и стояла тарелка со щами, а ещё эту самую девочку было бы во что одеть и отправить к хорошим учителям.

Купава с самого детства помогала тётке и не только мыла посуду. На первых порах она ловко приспособилась вязать на продажу шерстяные носки и варежки, а следом овладела непростым искусством звенеть берёзовыми коклюшками, и теперь её узорчатые кружева недурно расходились по благородным домам и поместьям здешнего уезда. А ещё они много трудились в саду и на огороде. Тётя, взвалив на себя всю грязную работу, целыми днями копала, косила, окучивала грядки, но и Купаве тоже доставалось: она поливала, полола — да мало ли забот по хозяйству.